

Сумко Е. В.
КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ КРЕСТЬЯН В ПОСЛЕВОЕННОЙ ДЕРЕВНЕ:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

Исследование вопросов, связанных с жизнеобеспечением белорусских крестьян в послевоенный период является одним из перспективных направлений. В центре исследовательского внимания находится человек, который в сложных, иной раз почти экстремальных, условиях реализовал весь свой потенциал ради выживания и создания приемлемых жизненных условий для собственной семьи (деревни).

Принципиальное значение имеет определение источниковой базы, так как комплексный анализ послевоенных практик жизнеобеспечения сельского населения невозможен только с применением какой-то определённой группы исторических источников.

Документальные комплексы, которые хранятся в архивах, помогают понять контекст событий, условия в которых находилась послевоенная деревня. Архивные документы достаточно разнообразны по своему содержанию: статистические сведения, постановления властной вертикали, политико-экономические обзоры исполкомов, докладные и аналитические записки, годовые отчеты колхозов, единовременные отчеты о возрастном и половом составе населения и т. д. Значительным информационным потенциалом обладает делопроизводственная документация партийных органов, от низовых региональных структур до соответствующих отделов центрального партаппарата. Уникальную информацию о деструктивных проявлениях в сельском социуме содержат документы послевоенной прокуратуры. Особым документальным комплексом являются жалобы и заявления колхозников, изучение которых позволяет выявить проблемы и трудности, с которыми сталкивалось сельское население в первые послевоенные годы. Данный вид источников предоставляет ценную информацию о некоторых аспектах повседневной жизни: материальная необеспеченность, представления и взаимоотношение с властной вертикалью, мотивация нарушения Устава сельскохозяйственной артели и даже возможные варианты решения проблем послевоенной деревни с точки зрения обычного сельчанина.

Архивные документы обрисовывают реальность, в которой находились люди в сложное послевоенное время. Например, в докладной записке секретарю Полоцкого обкома КП (б)Б от 25 января 1946 г. сообщалось, что “в ходе освобождения Освейского района было восстановлено 74 колхоза, в который входят 2 200 хозяйств. В виду плохой и поздней обработки почвы...урожай собран низкий. Весенний сев яровых культур проходил в крайне тяжелых условиях и окончание весеннего сева затянулось до 1 июля 1945 года, это, а также тяжелые климатические условия повлияли на урожай. Из 2 296 га яровых собрано всего 6 660 центнеров, из которых колхоз сдал государству 3 221 центнер, 1 363 центнера на семену, что далеко не обеспечивает потребности семян для посева. В виду сложившихся обстоятельств колхозы не имеют возможности оплатить трудодни колхозников и 800 тысяч трудодней выработанных в этом году остались не оплаченными. Только 6 колхозов выдали аванс по 100–200 гр на трудодень, а 65 колхозов не выдали ни одного килограмма. Кроме того 13 031 т /день, заработанный трактористами, на которые колхозы обязан были выдать 39 093 центнера хлеба, остались неоплаченными. В результате население оказалось в крайне тяжелом положении и переживает большие материальные трудности, не имея совсем хлеба или других продуктов, которые могли бы заменить хлеб. Трудности населения увеличились еще и тем, что многие колхозные хозяйства из-за неимения семян не посеяли приусадебный участок. Из 2 200 хозяйства посеяли на 75% – 280, на 50 % – 1176, на 20 % – 612, 112 хозяйств совсем ничего не посеяли и только 20 хозяйств целиком засеяли свой огород...Всё это создало невозможные условия жизни людей ибо из 8 948 человек, проживающих в районе, 7 000 человек не имеет совсем хлеба или других средств к существованию” [1]. На примере данного документа становится ясно, что население одного из самых потерпевших районов, находилось в чрезвычайно сложном положении. Кроме этого, документы свидетельствуют о том, что колхозное руководство в первые годы после освобождения, особенно в районах, которые были отнесены к наиболее пострадавшим, обладало (или не обладало вообще) минимальными возможностями для оказания помощи. Оно должны были решать задачи, поставленные государством: мобилизация ресурсов для восстановления колхозного хозяйства, выполнение хлебопоставок и т. д. Поэтому возникают вопросы, на которые архивный документ почти не дает ответа: как люди выжили в условиях чрезвычайно ограниченного количества базовых продуктов питания, что они предпринимали для создания приемлемых жизненных условий и т. д.

Реконструировать с достаточной долей вероятности отдельные элементы повседневности: систему питания, особенности удовлетворения материальных и духовных потребностей в сложных условиях послевоенной реальности, позволяют материалы устной истории. Некоторые исследователи считают, что крестьянская повседневность длительный период не привлекала внимания, за исключением некоторых аспектов, интересующих этнографов. Сельские жители составляли

своеобразное молчаливое большинство, к истории которых обращались лишь в интерпретации явлений социального протеста и экономического развития. Поэтому сегодня крестьянская история – это история устная, транслирующая опыт и знания вербальными средствами, сохраняющая преемственность поколений [6, с. 55]. Свидетельства респондентов придают человеческое измерение тем или иным трагическим фрагментам истории, позволяют постичь суть и подоплеку процессов, происходящих в послевоенном сельском социуме, помогают изучить новые социально-культурные явления, неразрывно связанные с изменившимися социальными, экономическими, политическими условиями. Именно «эфемерный момент, этнографически зарегистрированный, раскрывает что-то свое о конфликтах и альтернативах, всплывших на поверхность вследствие деструктивного эффекта переходного периода» [2, с. 10–11].

Ценным информационным потенциалом являются материалы архива отдела народоведения Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, где хранятся полевые дневники этнографических экспедиций, которые проводились в конце 1940-х – начале 1950-х гг: экспедиции Грнблата М. Я., Молчановой Д. А., Залесского А. И. и др. Особый интерес представляют черновые записи в ходе экспедиций, так как описывают непосредственно наблюдаемую реальность, которая по тем или иным причинам оставалась за пределами итоговых отчетов.

Полевые материалы позволяют зафиксировать картину, созданную коллективной памятью населения, определить стратегии повседневной жизни, особенности удовлетворения материальных и духовных потребностей в сложных послевоенных условиях. Необходимо отметить, что на сегодняшний момент большинство респондентов – преимущественно пожилые женщины довоенного или военного поколения, которые были в рассматриваемый период детьми или подростками. Определенная часть исследователей ставит под сомнение достоверность подобных воспоминаний и саму возможность реконструкции послевоенной реальности на основе детских воспоминаний. Однако, по утверждению психологов, социальная память начинает формироваться уже с 4-летнего возраста и включает в себя фрагментарные, наиболее эмоционально окрашенные эпизоды, более осмысленными, соотносимыми с историческим контекстом детские воспоминания становятся в 9-летнем возрасте и затем трансформируются в памяти взрослого под воздействием социокультурных факторов [5, с. 282]. К тому же чрезвычайно сложные жизненные перипетии заставили повзрослеть раньше времени целое поколение. Будучи детьми, они пережили ужасы Великой Отечественной войны, потерю близких, а потом вместе с выжившими взрослыми, в условиях разрухи и недооказания, включались в процессы восстановления. Некоторые респонденты особо подчеркивали роль детей в послевоенное жизни: *«Женщины воссоздавали и дети! Очень работали дети»* [4].

Воспоминания отличаются эмоциональностью, что обусловлено половозрастной и гендерной спецификой восприятия исторических событий, на интерпретацию которых влиял опыт семьи респондента (социальной среды). Отражение послевоенных реалий в индивидуальной памяти имеет свои особенности: приоритет локальной истории, компрессия исторического времени, относительна хронология (хронологическими маркерами становятся формы «до войны / после войны», «до коллективизации / после коллективизации», а не конкретные даты).

Именно свидетельства респондентов дают возможность понять, как люди выживали, как этнический опыт передаваемый из поколения в поколение применялся в сложное послевоенное время, какие стратегии и практики жизнеобеспечения имели место быть, какие ресурсы использовали для восстановления своего хозяйства, как воспринималось сельским населением, происходящие трансформации (особенно это актуально для населения Западной Беларуси), как менялись ментальные установки, ценностные ориентиры и как это влияло на культуру жизнеобеспечения. Именно материалы устной истории фиксируют, что жесткие условия послевоенного восстановления вызвали к жизни либо актуализировали нетипичные формы экономической и торговой активности крестьян, где среди традиционных занятий возникли и нелегальные формы торгового предпринимательства [3, с. 62].

Интересным источником могут выступать фольклорные материалы, так как песни, частушки, прибаутки отражают мысли, эмоции, представления, и их исполнителей, а также некоторые элементы повседневной жизни рассматриваемого периода.

Отдельной группой источников являются материалы периодической печати, которые содержат преимущественно отрецензированную информацию о событиях и явлениях, происходящих в белорусской послевоенной деревне. Однако, особенно на страницах областных и районных газет, встречается интересный региональный материал.

Источниковая база исследования культуры жизнеобеспечения белорусской послевоенной деревни может быть расширена за счет привлечения фотоматериалов, которые могут выступать не только как уникальный иллюстративный материал из истории конкретной семьи, рода, деревни, но и самостоятельный вид исторических источников, который наглядным образом дополняет знания по истории послевоенной повседневности.

Именно сочетание архивных документов, материалов устной истории, фотоматериалов, этнографических источников, которые дополняют друг друга дает возможность провести комплексное исследование такой сложной исследовательской проблемы как культура жизнеобеспечения послевоенной белорусской деревни.

1. Зональный государственный архив г. Полоцка. – Ф. 143. Оп. 2. Д. 25. Л. 1.
2. Мартынова, М. Ю. От этнологии к антропологии: глобальные мировые тенденции в региональном контексте / М. Ю. Мартынов // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 5. – С. 5–14.
2. Сумко, А. В. Легальныя і крымінальныя спосабы жыццязабеспячэння беларускай вёскі ў перыяд пасляваеннага аднаўлення (на прыкладзе Полацкай вобласці) / А. В. Сумко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. – 2019. – № 1. – С. 55–62.
3. Фольклорный архив Полоцкого государственного университета: (2021 г. записано Сумко Е. В.) Ж., 1936 г. р., д. Жигули Верхнедвинского р-на.
4. Фурсина, Н. О. Практика устной истории: детские воспоминания о Великой Отечественной войне / Н. О. Фурсина // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2016. – № 1. – С. 280–286.
5. Хасянов, О. Р. Методы устной истории в изучении повседневной жизни советского крестьянства / О. Р. Хасянов // Вестн. Самарск. гос. ун-та. – 2014. – № 1. – С. 53–59.

Филимончик С. Н.

«СРОДНИКИ» О ЖИЗНИ ЗАОНЕЖЬЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В 2015–2019 годах в Карелии вышли в свет три книги «Сродники», в которых представлены 211 текстов жителей Заонежья. Большинство рассказов – это интервью, проведенные по методу устной истории журналистом Любовью Венедиктовной Герасевой. Кроме того, в книгу вошли воспоминания жителей Заонежья, много лет хранившиеся в семейных архивах, и воспоминания, написанные специально для этой книги. Во многих текстах использован заонежский диалект.

По ходу работы замысел Л. В. Герасевой менялся. Вначале журналист предполагала подготовить книгу очерков о жителях Заонежья. Однако во время встреч с респондентами её поразили нестандартные рассказы людей о своей жизни, и Л. В. Герасева решила строить книгу «от первого лица». Начиналось интервью, как правило, с открытого вопроса: «Расскажите о своей жизни». Нередко люди в ответ спрашивали: «А говорить как надо или как было?». Во время работы над первой книгой порой встречали настороженно: зачем пожаловала? На объяснения, что планируется издание книги, отвечали: «Да у нас тут каждое лето студенты что-то записывают. Все, что знали, им рассказали. Только где все это?», «Что про то говорить, что нельзя воротить» [3, с. 5]. Создать доверительную обстановку Л. В. Герасевой помогал большой журналистский опыт. Располагало и то, что знакомство с респондентом она начинала на заонежском диалекте, собеседник понимал, что перед ним земляк. Когда журналист работала над второй книгой, во многих деревнях её уже ждали: «Звоню одному из заонежан, чтобы предложить статью автором. Трубку берет жена. Узнав, кто я, радостно восклицает: “А мы уж вас так заждались!” И мужа зовет: “Иди скорее, тебе «Сродники» звонят!”» [3, с. 8]. Во время сбора материалов развернулось активное волонтерское движение. Волонтеры предоставляли кров, разыскивали людей, у которых могла быть нужная информация, отвозили рукописи для вычитки после редактирования. Выход книги повысил авторитет пожилых людей в кругу семьи и земляков. Один из авторов сказала об этом так: «На меня теперь дети по-другому смотрят» [3, с. 6].

В 2016 году первая книга получила Специальный диплом Новой Пушкинской премии «За сохранение родовой памяти». В 2020 году составитель и редактор серии Л. В. Герасева стала лауреатом премии Республики Карелия в области культуры, искусства и литературы. Презентации книг в Медвежьегорске, Толвуе, Великой Губе, Петрозаводске вызвали большой общественный резонанс. По мотивам книги фольклорный ансамбль музея Кижы подготовил этнографический спектакль. Активизировалась деятельность по установке в Заонежье на месте деревень поминальных крестов с указаниями фамилий живших здесь людей. В социальной сети «В контакте» создана группа «Сродники», где участники представляют семейные реликвии, фотографии, организуют социальные проекты в помощь заонежской деревне, переживающей ныне не лучшие времена.

Несмотря на фрагментарность собранных материалов, они имеют не только социальное значение, но представляют определенный научный интерес для историков, работающих в русле новой локальной истории, истории повседневности, исторической экологии. «Сродники» показали, что в условиях нарастающей нестабильности текущей жизни у людей усилилось желание опереться на опыт, ценности, поведенческие модели ушедших из жизни родителей и земляков. В рассказах о родителях практически не используются слова «отец», «мать», но только «мама», «матушка», «папа». В тексте сестер Н. И. Власовой и Н. И. Манойловой отмечается: «Когда подъезжаем к родительскому дому, всегда в горле ком и слезы на глазах: уже не выйдут тебе навстречу ни мама, ни папа... А войдешь в дом, и все становится на место: как в детские годы. Топишь печку, идешь по воду, ставишь